

Глава I

МАЛЕНЬКАЯ ВЕНЕРА

«Господь даровал мне счастье ознаменовать славную победу в Полтавской битве рождением моей дочери. А посему перенесем торжества, поснимим вкупе с появлением на свет моей дочери отпраздновать счастливое наступление сего столь чаемого мира».

Петр Великий

ВЗЛЕЛЕЯННОЕ ДИТЯ

21 декабря 1709 года пушечные залпы потрясли крепостные стены Москвы. Колокола церквей зазвонили в момент, когда громадная военная колонна вступала в город, проходя под первой из семи триумфальных арок, воздвигнутых в честь победы под Полтавой. Разукрашенные аллегорическими и символическими изображениями, прославляющими сие событие, эти сооружения-однодневки возвещали о том, что Россия отныне прочно вошла в число великих северных держав. Под гром барабанов, литавр и труб гвардейцы Семеновского полка шагали к Кремлю, высоко неся трофеи, взятые у шведов: знамена и штандарты затмевали небо. Пресображенцы окружали военнопленных, среди которых попадались заслуженные, украшенные шевронами офицеры, явно находившие, что их унизили, заставив так долго идти пешком. За ними следовала вереница саней, управляемых самоедами в оленьих шкурах, вид которых немало веселил толпу.

А вот и государь: Петр I появился в сопровождении Александра Меншикова и Василия Долгорукого, двух столпов правления, самым своим происхождением призванных во-

площадь новую и стародавнюю Русь: простолюдин и князь¹. Из каждого переулка доносились песни, музыка, кто-то выкрикивал стихи, воспевающие падение шведского льва, ниспровергнутого русским орлом. Бояре и купцы выходили из своих домов, наперебой спеша поднести героям напитки. Когда Петр и его спутники подходили к зданию датского посольства, они уже были самым очевидным образом пьяны. Внезапно государя сотрясли жестокие конвульсии: лицо исказилось в ужасных гримасах, глаза вылезали из орбит, из оскаленного рта полилась пена. Это продолжалось несколько минут. Он только что узнал, что его сожительница Екатерина после рождения дочери Елизаветы, появившейся на свет 18 декабря, занедужила и весьма плоха. Однако царь скоро вновь овладел собой и пожелал присутствовать при иллюминации и полюбоваться на фейерверк. Затем, когда уже наступила ночь, он отправился к своему семейству в Коломенское, старинную летнюю резиденцию, известную со времен Ивана Грозного, расположенную близ Москвы, — строение стилистически неоднородное, не без явного монгольского влияния, разукрашенное фресками и помпезной позолотой².

Таким образом, Елизавета родилась незадолго до победных торжеств конца 1709 года в окрестностях Москвы, и ее появление на свет совпало с одним из важнейших моментов истории страны. Петр Великий распорядился отложить на три дня триумфальный въезд своих солдат и офицеров в столицу, дабы заодно почтить свою младшую дочь фейерверком³. Дитя, рожденное вне брака, три месяца спустя получит при крещении имя, редкое по тем временам на Руси, — Елизавета, в честь евангельского персонажа, жены Захарии, которая слыла бесплодной, но стала матерью Иоанна Крестителя⁴. Никто тогда и вообразить не мог, что настанет день, когда эта незаконная дочь взойдет на трон Романовых.

19 февраля 1712 года Петр решил жениться на своей любовнице. На празднике, устроенном в Зимнем дворце, Елизавета и ее старшая сестра Анна фигурировали в качестве фрейлин, но на публике показались лишь ненадолго: их тут же отправили спать, поскольку девочек сморила усталость⁵. Царь щеголял в мундире адмирала русского флота, да и большинство гостей, будучи военными высокого ранга, явились в парадных мундирах, среди которых кое-где мелькали облачения священников, европейские наряды придворных сановников и их жен. Мужчины и дамы завтракали порознь, за отдельными столами. Празднество, по сути, являвшее собой попойку, перемежаемую балами, завершалось фейерверком, причем монарх принял образ Гименей: он держал факел и попирали стопами орла. На шее супруги висело пылающее сердечко, увенчанное парой целующихся голубков. Прическу вокруг короны украшал аллегорический орнамент с выгравированным девизом: «Соединитесь в любви». С берегов Невы вновь и вновь с равными промежутками гремели пушечные залпы. Однако вездусущий воинственный дух не заслонял религиозного характера церемонии. Священники и митрополит Новгородский с крестом и иконами присутствовали здесь, чтобы придать законный вид этому кощунственному акту: ведь царь женился, не будучи вдовцом, его первая жена была насильственно пострижена в монахини. Событие потребовало большого расхода чернил. Петр брал в жены свою любовницу, подарившую ему несколько детей. Таким образом, ставка в игре делалась больше, тут не одно лишь заботливое желание обеспечить этому потомству законный статус: Петр по любви, без каких-либо политических или экономических расчетов, сочетался браком с женщиной низкого звания⁶. Крошка Елизавета была еще слишком мала, чтобы понять, что ставилось на карту в этой свадьбе, не имевшей прецедента в анналах коронованных семейств Европы. Только

позже, по гравюрам Зубова, она сможет понять это событие. Важное для нее самой — она тоже никогда не согласится на брак, навязанный против воли.

Царь обожал свою вторую дочку, рожденную Екатериной, ливонкой* скромного происхождения, но по необузданности нрава оказавшейся ему под стать. Он умилялся младенцем, тербил ее ножки, щекотал, чтобы рассмешить. Малейший ее крик или хныканье приводили его в ужас. Петр хотел дать дочерям хорошее образование. Как русские царевны, они могли выйти замуж за иностранцев, но вырасти им подобало в почтении к православной вере и национальным традициям. Надзирать за кормилицами старшей дочери, Анны, рожденной в 1708 году, и младшей, Елизаветы, было поручено Марии Федоровне Вяземской, женщине, весьма поднаторевшей в вопросах религии. Первые годы своей жизни девочки провели в различных императорских резиденциях в окрестностях Москвы. Товарищами их детских игр были крестьянские малыши из ближних деревень; в ту беззаботную пору никто не требовал от них изысканных манер или умения держаться соответственно своему рангу. Так Елизавета усвоила ту особую непосредственность, которой потом удивляла и даже восхищала своих современников.

По большей части Анна и Елизавета обитали в деревне Измайлово. Там заправляла невестка государя Прасковья** с тремя дочерьми. Строжайшим образом соблюдались указания «Домостроя» — свода правил семейной и хозяйственной жизни, составленного примерно в середине XVI столетия попом Сильвестром, духовным наставником Ивана Грозного. Это сочинение было призвано упорядочить домашнюю жизнь подданных как составную часть бытия государства. Отец, глава семейства, по примеру царя пользо-

* Марта Скавронская родилась в Лифляндии (территория современной Латвии).

** Царица Прасковья Федоровна (урожденная Салтыкова), жена брата Петра царя Иоанна Алексеевича.

вался неограниченной властью, но, опять-таки подобно правителю, обязан был соблюдать строжайшую справедливость. В этом своде правил все мыслимые провинности и наказания были скрупулезно классифицированы. Наряду с этим Сильвестр подумал и о предметах более прозаических: о рецептах блюд, гигиенических мерах, правилах поведения в быту⁷. Восприняв уроки своей тетки и сделав под ее руководством первые шаги в постижении Священного Писания, Елизавета с той поры сохраняла чрезвычайную склонность к исполнению религиозных обрядов. Что не помешало этому бунтарски настроенному ребенку очень рано воспротивиться любому принуждению, сбросить все путы, ограничивающие ее личную свободу. Екатерина со своей стороны настаивала на воспитании своих дочерей в почитании традиций, однако отцу хотелось сделать из них представительниц обновленной России, царевен, воспитанных в западном духе. Прасковья наперекор своей склонности к консерватизму поддерживала матримониальные амбиции царя: Романовым надлежит сочетаться брачными узами с иностранцами, дабы Россия могла с полным правом участвовать в сообществе великих держав. Урожденная Салтыкова, отпрыск одного из знатнейших русских семейств, Прасковья была горячей сторонницей брака своей дочери Анны с Фридрихом Вильгельмом, герцогом Курляндским, а своей младшей, Екатерины, — с наследником герцогов Мекленбург-Шверинских. Когда Петр прочил своих дочек в жены иностранным принцам из славнейших королевских родов, она никогда не прекословила этим замыслам, даже самым сумасшедшим.

Когда родителям приходилось отлучаться, девочек поручали присмотру Натальи, царевой сестры и наперсницы⁸. Ей же была доверена деликатная миссия — оторвать малышей от привычной среды, что окружала их в царских резиденциях под Москвой, и в конце 1711 года устроить в новой столице — Петербурге. Наталья Алексеевна следовала за

своим братом по пути прогресса и слыла одной из самых изысканных придворных дам. Обожая театр, она в этой своей страсти дошла до того, что даже пьесы пописывала — но, правда, религиозного содержания. Ее кончина в 1716 году привела государя в отчаяние: он, любой ценой пытавшийся выдать за чужестранных принцев всех своих племянниц, кузин и дочерей, любил сестру так ревниво, что не отпускал ее от себя...

Когда девочкам исполнилось одной семь, другой восемь лет, их оторвали от тетушек и кормилиц, чтобы приобщить к правилам поведения, подобающим высокому рангу; их первые строчки, трудолюбиво выведенные собственноручные записочки царевен, относятся к 1717 году. Анна и Елизавета смогли воспользоваться благами европейского образования благодаря гувернантке-француженке мадам Латур и учителю мсье Рамбуру. Графине Маньяни и профессору Глюку было поручено обучить их итальянскому, немецкому и французскому. Царь, по мере возможности, когда выпадал досуг, послеживал за учением дочерей и подбадривал их, часто повторяя, как он сожалеет, что в юности не познал наук⁹. Часто он входил в учебную комнату внезапно, чтобы, застав их врасплох, узнать, как они используют свое время. Он экзаменовал царевен, проверял, каковы их успехи, и приходил в восторг, видя, что они уже могут переводить страницы из трактата мадам Ламбер о морали и педагогике; довольный, он целовал дочек и порой клал подарки к ним под подушку.

После смерти Натальи заботу о трех царских детях — Анне, Елизавете и маленьком Петре, родившемся в 1715 году, — пришлось взять на себя Меншикову¹⁰. Фельдмаршал регулярно строчил родителям послания, то шутливо, то в умиленном тоне заверяя их, что дочери ведут себя превосходно, а сын подрастает. Его дворец на невском берегу звенел от веселых криков: царевны и крошка-царевич быстро поладили с его собственными тремя детьми. Весной

1717 года обе девочки подхватили оспу: Елизавета вышла из этого испытания невредимой, на лице у нее осталось лишь одно крохотное пятнышко, да и то вскоре исчезло¹¹. После болезни ее отвращение к насекомым и другим паразитам возросло, став чуть ли не истерическим: подобно своему отцу, она не выносила вшей, тараканов и клопов, кишмя кишевших в некоторых покоях князя Меншикова. Она убегала и пряталась, забивалась в углы, где не было златотканых занавесей и подозрительных драпировок: холод был в ее глазах меньшим злом, чем насекомые¹².

Царь неизменно восхищался своей младшей дочерью. Не исключено даже, что к его отеческим чувствам примешивалось нечто греховное. И вот когда ей сравнялось семь лет, он поручил Караваку написать ее в виде маленькой обнаженной Венеры. Каштановые волосы, по такому случаю напудренные, голубые глаза, полные лукавства, — девочка пленяла своим веселым нравом и никогда не пасовала перед частыми вспышками отцовского гнева. Он же, обычно такой скупой, дарил ей расшитые золотом и серебром шелка, нередко привезенные из самого Дамаска. Отменная танцовщица, она легко освоила кадрили и менуэт, не забыла и простонародные пляски. Петр Великий любовался ею, хвалил, после каждой импровизации бросался ее обнимать, целовал ей ручки и ножки на глазах придворных, которые хоть и восхищались, но не без смущения внимали многократным заявлениям государя, что ему никогда не найти принца, достойного взять в жены его младшую дочь.

Сохранилось несколько записок, свидетельствующих о взаимной привязанности отца и дочери, которая зачастую служила посредницей между членами семьи: «Лизочка, дружок, добрый день, благодарю вас за ваше письмо, дай мне Господь увидеть вашу радость! Поцелуйте от меня этого верзилу, вашего брата. Петр» *¹³. Порой монарх обращался к до-

* Здесь и далее цитаты приведены в обратном переводе с французского, даже когда оригинал на русском языке.

чери и на ты, но не упускал случая именовать ее, словно мальчика, своим «дружком», может быть, желая тем самым повысить статус любимицы. Что до Екатерины, она в собственноручных (или написанных кем-то из приближенных) записках обращалась к ней от имени обоих родителей. Когда в 1721 году они уезжали на юг, царица пыталась смягчить для своих детей печаль разлуки, причем адресованы ее послания преимущественно Елизавете: «Потерпи еще несколько дней, и мы долго будем вместе»¹⁴. Иногда в дополнение к письму детям отправляли фрукты — например, апельсины или лимоны. Мать не скупилась на нежные слова: на одной из записок даже в адресе говорится: «Моему сердечку цесаревне Елизавете Петровне». Что до самой малютки, она пользовалась оборотом, в котором почтительность сочеталась с фамильярностью: «Ваши добрейшие величества Папа и Мама»¹⁵. В 1717 году девочки-царевны совершили настоящий политический шаг. Письмо, написанное под их диктовку и врученное Меншикову, содержало просьбу избавить от страданий несчастную, осужденную на медленную смерть: ее должны были живьем закопать по шею в землю. Сестры просили заменить этот приговор ссылкой в монастырь¹⁶. Так впервые дало о себе знать стремление Елизаветы защитить женское достоинство и упразднить смертную казнь.

Образование, подобающее европейской принцессе того времени, предполагало знание иностранных языков, стало быть, Елизавета должна была их выучить. Ее современники утверждали, что она говорила не только по-итальянски, по-немецки, по-английски и по-французски, но еще по-шведски и по-фински. Они с сестрой Анной иногда переписывались по-немецки, причем младшая перемежала буквы готического начертания с обыкновенной латиницей. Их обучили правилам приличия и искусству вести беседу, в котором будущей императрице предстояло особенно преуспеть. Как царевне, чье рождение (по крайней мере теоретически) было узаконено состоявшимся в 1712 году венчанием родителей,

ей полагалось, о чем уже было упомянуто выше, стать женой иностранца, дабы укрепить связи России с ее союзниками. Но Елизавета не желала смириться с подобной необходимостью: ее чувственность пробудилась преждевременно (и не без влияния родителя, это очевидно), она хотела нравиться и проявляла живейший интерес к молодым русским из своего окружения. Рассеянная, слишком рано предавшаяся плотским усладам, она не была создана для усидчивых занятий. Тщетно мсье Рамбур пытался заинтересовать ее историей и географией (если верить некоторым свидетельствам, она до гробовой доски сохраняла убеждение, будто до Англии можно добраться в карете)¹⁷, зато он умел зачаровывать ее рассказами о французских обычаях и модах, изысканность которых она быстро усвоила.

Эта девочка родилась в исторический момент, важнейший для судьбы русских женщин. В 1700 году царь Петр издал указ, обязывающий горожан одеваться по европейской моде. Светские щеголи и прелестницы не преминули обвешаться драгоценностями, и кое-кто утверждал, что по части макияжа они малость персбарщивают¹⁸. Царь порвал также с традицией, требующей половой сегрегации. С самых юных лет Елизавета привыкла к мужскому обществу. Она проводила часы перед зеркалом в окружении парикмахеров, костюмеров и косметологов, хотя, судя по всему, румянами и пудрой не злоупотребляла. В 1721 году на торжествах по случаю годовщины коронации Петра, судя по «Дневнику» Фридриха Вильгельма Бергхольца, Анна и Елизавета появились одетые по последней французской моде, в волосах царевен сверкали бриллианты, а их прически были достойны лучшего из парижских куаферов¹⁹.

Петр очень рано стал обращаться со своими детьми как со взрослыми и побуждал их участвовать в официальных церемониях. Чтобы дать царевнам лишний раз показаться при дворе, годился любой повод. Так, он устроил шумные свадебные торжества по случаю бракосочетания двух кар-

ликов, которые появились перед публикой верхом на пони. К вящему удовольствию вселящихся гостей, на пиру прислуживали Анна и Елизавета, на сей раз одетые скромно²⁰. 9 сентября 1721 года Елизавета была объявлена созревшей для брака. Во время церемонии отец вырезал из ее белого платья маленькие кружочки ткани. Затем он преподнес девушке сюрприз: пригласил дирижера Ивана Поморского с оркестром для исполнения марша, прозвучавшего, впрочем, чуть воинственнее, чем надлежало при такой церемонии. Царевну такие вечера сверх меры приохотили к музыке: опера и балет навсегда останутся ее излюбленными развлечениями.

В начале 1720 года жизнь обеих сестер пошла по-иному. Характер их обучения изменился, наставники тоже менялись. Сомнений более не оставалось: по меньшей мере одна из сестер обещана принцу с Запада; уроки танцев, музыки, иностранных языков, этикета, утонченные туалеты — их явно готовили именно к этому²¹. Елизавета привлекала все взоры. Прусский королевский посланник Густав фон Мардефельд в своих письмах расхваливал прелести этой девушки с живым, шаловливым, чтобы не сказать дерзким правом²². Иным она представлялась глупой, ее лень, разумеется, давала для этого некоторый повод, однако ее описания в юности свидетельствуют об обратном. Очень веселая, она была гораздо на стремительные находчивые ответы и любезна с каждым. При всем том, явно будучи циклотимиком, она попеременно предавалась то порывам своего слишком любвеобильного сердца, то холодному расчету честолюбия, жесткость которого еще более подчеркивалась вспышками бешеной ярости, унаследованной от родителей²³. Могла ли она в самом деле выйти замуж за принца, потомка одного из первых коронованных семейств Европы? Да и сам царь хотел ли в глубине души такого исхода? Семейные драмы, пережитые ею в отрочестве, позволяют усомниться в этом.

РОДИТЕЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Петр и Екатерина встретились во время Северной войны. Царь, пережив до того ряд тяжелых поражений, в мае 1703 года захватил город Ниеншанц, где его офицеры взяли в плен много мирных жителей. Среди них была молоденькая Марта Скавронская, католичка, рожденная 5 апреля 1684 года в Лифляндии. Будучи сиротой, она в 1699 году нанялась в услужение к лютеранскому пастору Эрнсту Глюку, который ее впоследствии удочерил. Вскоре затем она вышла замуж за пруссака Эрнста Иоганна Крузе, трубача из кавалерии наемников в составе шведской армии. Попав в плен, она стала прислугой русского драгуна по фамилии Трубачев, потом оказалась в ставке фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, командующего войсками региона. Там Меншиков, неразлучный друг царя и соратник его распутств, приметил ее и взял в услужение, собираясь сделать своей любовницей²⁴.

Увидев ее у своего фаворита, Петр затеял с ней разговор и попросил принести к нему в опочивальню подсвечник. На завтра он дал ей дукат (двенадцать французских ливров) и тотчас о ней забыл. Однако новая встреча в марте 1704 года раз и навсегда определила — не без помощи обильных возлияний — судьбу Марты: захмелевший царь увел ее с собой, и Меншиков несколько дней безуспешно ее разыскивал. После чего монарх имел со своим другом беседу, по видимому, весьма серьезную: он объявил, что решил оставить молодую женщину у себя, и повелел прислать ему личные вещи его новой избранницы. О своих отношениях с этой искательницей приключений, едва умевшей читать, царь помалкивал, сохраняя несвойственную ему скромность. В Москве он поручил ее заботам некоей «женщины знатного происхождения», живущей далеко от центра столицы, и три года навещал ее там, выказывая ей нежное расположение. Судя по всему, Марта освоила за это время начат-

ки кириллицы и вскорости перешла в православную веру, приняв имя Екатерины Алексеевны: на этом тайном крещении царевич Алексей, государев сын от первого брака, стал ее крестным отцом. Петр все чаще стал приглашать Екатерину на заседания совета министров, в которых она активно участвовала и проявляла отменный здравый смысл. Царь прислушивался к ее суждениям и подчинялся ей, «как если бы он был Нумой Помпилием, а она — нимфой Эгерией», писал в книге «Рассказы о российском дворе» Франц Гийом Вильбуа²⁵. Когда он отправлялся на войну, в их переписке всплывали подробности более прозаические: гордый воин жаловался, что соскучился и что никто здесь не заботится о его белье, она же колко отвечала, что его лошадки, должно быть, дурно причесаны. Монарх больше не мог обходиться без нее. Накануне Полтавской битвы он вызвал ее к себе в ставку, где она, беременная Елизаветой, оставалась до самого начала сражения: раздавала солдатам хлеб и водку. В глазах Петра Великого она была идеальной соратницей, основательной женщиной и доброй советчицей, разделявшей его воинственный пыл, его успехи и неудачи, равно как и его оргии. К тому же ее знание людей, интуиция и практический ум, безусловно, влияли на политические решения царя. Поддерживать реформаторские идеи своего любовника и будущего супруга было как нельзя более в ее интересах, ведь они способствовали возвышению заслуженных персон низкого происхождения, к разряду коих принадлежал Меншиков, ее верный и услужливый друг, а также члены ее семейства, так называемые кузены вроде Карла и Фридриха Скавронских. Молодая женщина умела быть признательной, она добилась многих преимуществ для своих близких: пастор Эрнст Глюк, приютивший и воспитавший ее, был назначен директором школы, призванной обучать русских юношей иностранным языкам.

До 6 марта 1711 года Екатерина держалась в тени, но в этот день чета появилась на турецком фронте и было офи-

циально объявлено, что царевна Екатерина Алексеевна является истинной и законной супругой монарха. Вопросы о том, чтобы выяснить, жив ли ее первый муж, никто не задавал. Что до жены государя, с которой формально он так никогда и не развелся, а также его сына и всех поборников неустойчивости обычаев Руси, они были этим вконец ошарашены. А Петр пошел еще дальше: объявил, что в случае его смерти Екатерина сохранит за собой титул, почести, доходы и привилегии законной государевой вдовы. Он решил закрепить это бракосочетание религиозной церемонией, каковая действительно состоялась 19 февраля 1712 года в церкви Св. Исаака Далматского (на ее месте потом будет Исаакиевский собор)²⁶. Эта шумиха дискредитировала молодую женщину еще больше: в глазах населения она была блудницей, особой сомнительного происхождения, к тому же рождена на чужбине — ее бесчестили и чернили, не жалея эпитетов. Церковь выдвигала еще более серьезные доводы против этого брака: будучи крестницей царевича Алексея, Екатерина в духовном плане приходилась родственницей своему царственному жениху, их супружество, таким образом, являлось разновидностью инцеста! Вместе с тем придворные, в особенности те, что сами вышли из низов, помалкивали и охотно участвовали в празднествах в честь новой царицы. После свадьбы у монаршей четы родились еще две дочери, Мария и Маргарита, а потом, к вящему восторгу, 28 октября 1715 года на свет появился сын Петр, наследник престола. В 1723 году царь решил присвоить Екатерине титул императрицы, а соответствующая церемония имела место год спустя в Москве, как велит традиция.

Коронация Екатерины I, состоявшаяся в древней столице в мае 1724 года, показала, что понятия о вкусе при русском дворе изменились. Английский офицер Брюс, который при сем присутствовал, описывает внутренность храма Успения Богородицы: его взгляд поочередно задерживается на символах власти — двуглавом орле, троне, гербах дома Ро-

мановых и державного града. Особое внимание британец обращает на демонстрацию роскоши: карета для царственных новобрачных и наряды Екатерины были изготовлены в Париже. Ее бархатная мантия, расшитая золочеными орлами, обошлась в 135 ливров²⁷. Однако религиозная сторона ритуала отошла на второй план — от нее отвлекало множество собравшихся здесь гвардейцев, лакеев, гайдуков и военных всех мастей. Новгородский митрополит Феофан Прокопович, ближайший советник царя в богословских вопросах, стоя у врат, подал монаршей чете крест для целования. Петр подвел Екатерину к ступеням трона, на который они взошли вместе, и повелел приступить к коронации. Прокопович благословил Екатерину, прочел несколько молитв о славе империи, о добродетелях и благочестии царского семейства²⁸. Брюс не скрывает, что почувствовал волнение, когда царь, приняв из рук митрополита корону, украшенную 2564 драгоценными камнями, сам возложил ее на голову своей жены. Священнослужитель протянул ей державу, символ императорских полномочий, но скипетр — знак верховной власти — Петр оставил себе. Снова грянули пушки, артиллерийские залпы слились с громом колоколов. Началось торжественное богослужение; Петр подвел Екатерину к алтарю, где архиепископ Псковский во имя Пресвятой Троицы помазал ей миром лоб, грудь и руки. Преклонив колена на подушку, она приняла причастие. В похвальной речи, последовавшей за этой церемонией, священнослужитель подтвердил, что царица получила корону России из рук Господа и супруга²⁹. Ритуал, таким образом, символизировал равенство церкви и государства, воплощенное в монаршей персоне, получающей власть от Всевышнего.

Екатерина стала первой женщиной, официально коронованной на Руси. Однако император, которому жить оставалось всего год, и в мыслях не имел сделать ее своей преемницей, ибо она не имела качеств, необходимых для управления. Главное, о чем он пекся, — это о том, чтобы реши-

тельно и бесповоротно утвердить права своих трех выживших дочерей, коль скоро все его сыновья, бесспорные наследники трона, умерли в раннем возрасте³⁰. Итак, Анна, Елизавета и ее младшая сестра Наталья были возведены в ранг царевен-наследниц. Желая исключить нарскания, вызванные его сомнительным браком, Петр Великий заручился поддержкой самых высоких церковных чинов, чье одобрение положило конец придворным интригам. Золотые, серебряные и медные памятные медальки, щедро раздаваемые народу, были призваны утихомирить его раздражение: на лицевой стороне изображался Петр, возлагающий корону на голову своей супруги, стояла дата «1724» и было написано: «Коронация в Москве», а на обороте значилось: «Петр император — Екатерина императрица».

Царственные супруги, по части интеллекта далеко не равные, в некотором смысле удачно дополняли друг друга; в плане физическом и психологическом они ладили. Царь, чрезвычайно рослый для своей эпохи (он достигал двух метров), с виду сущий богатырь, на самом деле был слаб здоровьем. Подверженный тяжелым приступам лихорадки, он злоупотреблял баней, которая облегчала мучившие его многочисленные болячки. Его алкоголизм не улучшал положения, ведь он напивался регулярно, порой до бесчувствия. Одна лишь Екатерина, питавшая не менее супруга пристрастие к водке, умела вовремя увести «батюшку» спать³¹. С годами он заполучил хроническое воспаление мочевого пузыря, ему стало трудно мочиться, застойные явления в сочетании с циррозом прикончат его в возрасте пятидесяти трех лет. Он без удержу вступал во внебрачные связи с женщинами легкого поведения, его аппетиты были неутолимы, кое-кому из юных бесстыдников мужеска пола, видимо, тоже случалось потворствовать государеву капризу. Многие годы царь питал не ведающую границ склонность к Александру Меншикову, выскочке, которого он возвысил в ущерб членам знатнейших семейств³². Наделенный бешеным темпе-

раментом и неколебимо уверенный в том, что абсолютная власть ниспослана ему свыше, он навязывал свою волю, не останавливаясь ни перед чем. Глубоко верующий, даром что походя изрыгал чудовищные богохульства, он постоянно носил на груди крест и никогда не отправлялся в военный поход без икон. Считая себя защитником веры своего народа, он с любым атеистом расправлялся, как с обычным преступником. Основанием его церковных реформ был расчет, а вовсе не вольномыслие.

Неотразимый, чтобы не сказать пугающий, он производит двойственное впечатление, особенно будучи за границей, где его личность, полная контрастов, и грубые ухватки порой выглядят отталкивающе. Так, императорская чета, погостив в Пруссии во дворце Монбижу, оставила его в состоянии, напоминающем «разрушенный Иерусалим»: здание пришлось полностью восстанавливать³³. Во Франции, куда Петр отправился без жены, его свита без стеснения прибирала к рукам простыни и фарфор. Во время своего пребывания проездом в Париже в 1717 году он навлек на себя замечания, которые плохо согласуются с агиографическим мифом о монархе, приверженном всему новому и прогрессивному. «Регентский Вестник» едко прошелся насчет «утрированной бережливости»³⁴ этого варвара, лишенного вкуса и воспитания. «Дневник» Жана Бюва обличал сексуальную распущенность порочного царя, зараженного дурными болезнями. Впрочем, Жак Дюкло, упоминая об этом в своих воспоминаниях, подходит тоньше: по его мнению, это человек, «у которого подчас прорываются дикарские ухватки, но никогда ничего мелочного», «гениальный самоучка, не получивший должного воспитания»³⁵. Сен-Симон со своей стороны преуменьшает человеческие пороки Петра и подчеркивает его достоинства главы государства, полагая, что ум, справедливость, «трепетная настороженность его духа» и «широта разнородных познаний» делают его личностью исключительной³⁶.

Но какое бы почтение ни внушал могущественный славянский властитель и потенциальный союзник, оно исчезало, стоило императору появиться в обществе своей жены. Королевские особы и придворные лишались дара речи от поведения этой пары. Во время их визита в Берлин в 1717 году, когда царственная чета посетила музей старинных монет, Екатерина отказалась на потеху мужу поцеловать похабную статуэтку, а Петр прилюдно посулил, что велит отрубить ей за это голову! Развязность их жестов и речей, их сообщнические смешки вызывали замешательство в светских гостиных. Екатерина, не внушавшая уважения у себя в стране, и при европейских дворах не вызвала единодушной симпатии: ее бескультурье и вульгарность здесь сочли особенностью русских нравов. В том же году супруга маркграфа Байрейтского набросала довольно нелицеприятный портрет этой выскочки, союз с которой представлялся ей ошибкой царя, наносящей ущерб всей династии: «Низкорослая, приземистая, со смугловатой кожей, она не отмечена ни блеском, ни достоинством». Ее манера держаться выдавала низкое происхождение. В глазах германской принцессы она выглядела всего лишь комедианткой в тряпье из лавки старьевщика: ее вышедший из моды наряд стоял колом от серебряного шитья и грязи, на грудь она нацепила с десяток всевозможных знаков отличия, реликвий и изображений святых; кто-то сострил, что когда она проходит, можно подумать, что это, звякая упряжью, шествует мул³⁷! Впрочем, граф фон Пёльниц из свиты Фридриха Вильгельма I отзывался более снисходительно: дескать, манера держаться, свойственная Екатерине, не должна так уж шокировать, особенно если принять во внимание, из какой среды она вышла. Она могла бы, как он полагал, научиться наилучшим образом соответствовать всем требованиям, если бы с ней рядом оказался кто-либо, способный подать пример благоразумия: таким образом, ответственность тут возлагалась на царя.

Чем же Екатерина нравилась Петру Великому? Судя по некоторым описаниям, эта крепкая, мощная брюнетка поражала свежестью своей кожи, тонкой лепкой головы и рук. За красавицу она со своими маленькими близко посаженными глазками уж никак не могла сойти. Алчная и прожорливая, она охотно составляла мужу компанию в его бесконечных оргиях. Царь ценил ее физическую силу, ее пылкость, ее черный юмор, а то и попросту жестокость, но главное — ее свободный нрав. Но этой дочери поселян и нежность была не чужда; она выказала себя доброй сиделкой, умела облегчать терзавшие царя спазмы. При всем том главным ее достоинством была храбрость: она одна не боялась яростных вспышек супруга, даже направленных на нее саму, да и в боевых походах она его сопровождала. Во время Прутского похода (в июле 1711 года), если верить свидетелям, она спасла честь России. Оттоманское воинство одержало победу, Петр, оказавшись в кольце врагов, запаниковал и уже всерьез подумывал прорываться со своими казачьими отрядами. Екатерина предложила принести в дар визирю свои украшения и другие ценности, чтобы побудить начать переговоры. Царь послушался ее, мир был заключен — правда, ценой больших потерь³⁸. Как бы там ни было, это в ее честь Петр учредил орден Святой Екатерины, предназначенный тем, кто отличился особой любовью и верностью в отношении его персоны. Маленькая простолюдинка первой удостоилась этой награды за то, что в окружении близ Прута, по мнению немецкого историка Детлефа Йены, действовала не по-женски, но по-мужски³⁹.

Был у Екатерины и еще один козырь: она терпела любовные похождения своего царственного супруга, умела выслушать рассказ об очередной интрижке и с юмором что-нибудь посоветовать. Когда он увлекся Марией Кантемир, дочерью молдавского господаря, она сохраняла спокойствие, дошла даже до того, что расточала ему ласки и слова утешения, когда у Марии случилась ложная беременность. Была

ли императрица такой же развращенной, как ее благоверный? Ходили кое-какие слухи о ее сугубой близости с Меншиковым, которая якобы должна была оборваться после ее встречи с царем, о том, что она была изнасилована Вильбуа, французским офицером, служившим России, а также имела амуры с камергером Монсом. Но источники всех этих сплетен довольно сомнительны. До крайности ревнивый характер Петра и его обостренно-отеческая заботливость, равно как и двусмысленное положение молодой женщины, должны были удержать ее от ложных шагов. Когда Петр решил, что ее связь с Виллимом Монсом доказана, улики неоспоримы, он пришел в неистовство. По свидетельству одной фрейлины, царь ворвался в покои своих дочерей, он был страшен, во взгляде читалась угроза. Он метался из угла в угол, бледный как простыня, его горящие глаза бессмысленно блуждали, лицо и все тело дергались в конвульсиях. Даже Елизавета, привыкшая фыркать в ответ на частые приступы отцовского гнева, предпочла укрыться в соседней комнате. Что до самой фрейлины, она заползла под стол, но Петр пинал мебель ногами, колотил кулаком в стены и несколько раз, рыча, вонзил свой охотничий нож в крышку стола. Наконец, сотрясаемый сильнейшими конвульсиями, он вышел из комнаты, так шарахнув дверью, что она разлетелась на куски⁴⁰.

Согласно другой легенде, царь тогда ворвался к самой Екатерине и, объявив ей, что лишает ее своей милости, расколотил венецианское зеркало. Монс был отправлен под суд, якобы за расхищение средств, и казнен 16 ноября 1724 года. Согласно различным версиям, Петр то ли велел отнести голову камергера в гостиную своей супруги, то ли предложил ей покататься в санях и вынудил объехать вокруг эшафота, где был распростерт несчастный любовник. Екатерина не проявила ни малейших признаков волнения. Петр велел своим министрам игнорировать любые указания, исходящие от его супруги, и лишил ее денежных средств. Тем

не менее она оставалась подле государя вплоть до кончины последнего, которая не заставила себя ждать (это случилось в январе 1725 года); в ту пору ее единственным оружием стали слезы и лесть, поскольку ее тело расплылось от многочисленных беременностей и неводержанности в отношении спиртного⁴¹.

Елизавета была слишком юной, чтобы осознать всю важность этой семейной драмы. Унаследовав отцовскую гневливость, она и сама была подвержена ужасающим припадкам ярости, от ее криков сотрясались дворцы и резиденции. От матери к ней перешла тяга к туалетам — в ее случае они были безукоризненно элегантны, а также склонность к немислимым расходам. Искусная наездница и охотница, она часто наряжалась в мужское платье, делая еще один шаг на пути к женской эмансипации, как перед тем — ее мать, которая отправлялась с мужем на фронт. Подобно отцу и матери, она была охоча до крепких напитков и с аппетитом поглощала самые разные блюда — от изысканных французских яств до традиционных украинских. И наконец, по части разнузданности влечений она тоже была вполне под стать своим родителям.

Глубоко верующая, она отказывалась от всех псевдорелигиозных процессий, смахивающих на настоящие оргии, которые так любил ее отец: на святки вместо этих более или менее кощупственных вакханалий, какими на Руси приветствовали начало нового года, царица предпочитала балы-маскарады или посещения оперы. В противоположность родителям она совсем не проявляла жестоких наклонностей, чаруя свое окружение некоей особой ласковостью, прельщая приятным смешением гастрономических застольных усад и изысканной музыки, хотя подчас петровский темперамент все-таки прорывался наружу. Крупная, плотная — под конец дородство государыни приобрело характер едва ли не бедствия, — она обликом походила на отца, но его энергии для неустанных трудов у нее и в помине не было. Лень яв-

лялась одним из главных пороков, навлекавших на императрицу упреки современников; не имея склонности к учению, она не воспользовалась в должной мере плодами образования, которое было ей дано. Зато она унаследовала материнскую интуицию и сумела окружить себя толковыми советниками; в управлении государственными делами она проявляла потрясающую практическую хватку. Всю свою жизнь она сохраняла верность делу своего отца, стремясь превратить память о нем в своего рода культ; она призвала к себе основных советников Петра и окружила себя людьми, готовыми неуклонно следовать по пути модернизации, невзирая на сопротивление плетущих заговоры консервативных группировок⁴².

Наперекор отцовским усилиям Елизавета и ее сестра не получили образования, равного тому, какое имели принцессы Запада; гувернантки и преподаватели оказались не на высоте порученной им задачи и не сумели внушить к себе уважение. В результате обе девушки не достигли того уровня интеллектуальных возможностей, который требовался в кругу царствующих семейств Европы. Однако преимуществом царевен стало образование иного, исключительного рода — этим они были обязаны тому, что в повседневной жизни рядом постоянно присутствовали их родители. Когда Петр с женой находились в своих резиденциях, дочери жили подле них. Они слышали разговоры о государственных делах, близко сталкивались с политиками и волей-неволей приобщались к реформаторскому духу своего времени. В этом смысле их «практическое» формирование опережало эпоху, поскольку осуществлялось в лоне семейства, а не основывалось на поучениях, расточаемых теоретиками. Будучи совсем юными, они присутствовали на коронации своей матери — событии, говорящем о всемогуществе монарха, воля которого превыше самых фундаментальных законов. Пышность этой церемонии, резко выделяясь на фоне повседневности, давала понять, что к власти пришла «бюргерская»

чета. Анна и Елизавета сталкивались также с семейными, супружескими кризисами, прошумевшими в императорских покоях, — большинство принцесс того времени было избавлено от подобных испытаний. Классовое неравенство в лоне родительского брака, жесткий водораздел между частной жизнью и публичным представительством, ясно различимыми даже в интимной обстановке гостиных, — все это выковало характер царевны, сознающей и двусмысленность своего положения, и силу, которую оно дает. Еще совсем юной Елизавета избрала для себя твердую, неизменную линию поведения: она — дочь Петра Великого и продолжательница его дела.

Получив законный статус благодаря браку родителей и — по мере возможности — приличествующее воспитание, русская царевна, согласно европейским обычаям, должна была выйти замуж, получить супруга, достойного ее ранга, но тем самым утратить права наследницы трона Романовых. Такой ход событий отвечал бы и намерениям Петра, но вот захотят ли этого Елизавета, с одной стороны, и царствующие семейства Запада, с другой? Это оставалось под вопросом.

ПЕРЕХОД К СОВЕРШЕННОЛЕТИЮ

Согласно русской традиции, счастье юной Елизаветы должен был бы составить ее соотечественник. Однако ее воспитание, по тем временам для России весьма прогрессивное, охлаждало пыл возможных претендентов на ее руку, отпрысков старинной знати, склонной скорее к консерватизму и настороженности по отношению к царю-реформатору. Да и сам Петр решил по-другому: его дочерям подобает заключить выгодные браки, согласованные с политическими интересами империи, едва успевшей войти в европейский

«концерт наций», как выражались в ту эпоху. В 1717 году, во время своей поездки в Париж, он подумывал о Людовике XV — этот предполагаемый жених был на год младше Елизаветы. Однако Версаль сделал вид, что намеков не понял, и отложил переговоры в бесконечно долгий ящик. Тем не менее кое-кого предложение заинтересовало: союз с Романовыми позволил бы французскому принцу-регенту Филиппу Орлеанскому прибрать к рукам польский престол, или по крайней мере Франция получила бы возможность взять Польшу под свой контроль. Но при жизни Августа II, одновременно курфюрста Саксонии и короля Польши, такой план выглядел слишком сомнительным. В 1704 году этот монарх, союзник России и Дании, теснимый Швецией, потерял польскую корону, уступив ее Станиславу Лещинскому; правда, пять лет спустя, то есть после Полтавской битвы, ему с помощью Петра I удалось отвоевать ее обратно. Франция благоволила к его неудачливому сопернику, но показала себя неспособной активно вмешаться в распри «полночных стран»: все ее силы поглощала война за испанское наследство. Тем не менее некоторыми умами продолжала владеть навязчивая идея франко-русского альянса, связанная с замыслами наложить лапу на северные земли.

Во время подготовки Ништадтского мирного договора, призванного положить конец Северной войне, Франция предложила свое посредничество между Швецией и Россией. 10 сентября 1721 года она назначила своим эмиссаром Жака де Кампредона, которому надлежало незамедлительно отправиться в Петербург, куда он и прибыл месяц спустя. Царь тотчас принял француза и снова завел разговор о сватовстве — если не иметь в виду короля, почему бы не герцога Шартрского, сына регента, или герцога де Шароле, старшего сына герцога Бурбонского? Одна за другой во Францию посылались депешы, но ответа не было. Польские перспективы, конечно, соблазняли, но против идеи франко-русского брачного союза возникли препятствия.

Амбициозным мечтаниям, кроме всего прочего, подбуждало крылья решение русского монарха принять титул императора. 20 октября 1721 года Сенат и Святейший Синод предоставили Петру право именоваться «Отцом Отечества и Императором Всероссийским»⁴³. Канцлер Головкин оправдывал такое решение реформами монарха и его военными победами: разве он не вывел своих подданных из ничтожества и не ввел в круг цивилизованных народов? На следующее утро, после торжественного богослужения, указ был доведен до дипломатического корпуса; государь собственной персоной взял слово, сославшись на Господа, что поддерживал его во всех начинаниях⁴⁴. Европейские канцлеры и министры иностранных дел всполошились: следует ли признавать столь неслыханные притязания? Государства, набирающие силу, вроде Пруссии и Нидерландских Генеральных Штатов, приветствовали демарш Петра, так как были готовы без малейшей щепетильности последовать его примеру. Швеция уступила давлению могущественного соседа. Но великие католические державы — Испания, Польша, империя Габсбургов, Франция, поддерживаемая Портой, а потом и Великобритания — отказались признать этот самопровозглашенный статус. Вена безо всяких околичностей объявила, что решение царя нарушает общеевропейское равновесие. Тело церкви Христовой, светским главой которого был германский император, не могло стать двуглавым. Это поставило бы под сомнение господствующую роль Габсбургов. Другие страны тоже могли потребовать себе этого статуса, скажем, Франция, которая объявляла себя старшей дочерью церкви, а ее король в пределах своей страны уже величал себя «императором». Сюда примешивалась и религиозная проблема: православная Русь, наряду с мусульманской Портой, была изначально выведена за пределы «европейской» иерархии держав, чья культура основывалась на традициях западного христианства. Карл VI вежливо уклонился, сославшись на то, что не может принять такое реше-

ние единолично: столь значительная перемена требует согласия всех европейских держав или по меньшей мере курфюрстов империи. Австрийский посол предусмотрительно сказался больным и позаботился, чтобы его отозвали в Австрию, избежав, таким образом, тягостных пререканий на сей счет. В Варшаве Август II отговорился тем, что его долг — подчиниться решениям сейма, а в качестве курфюрста Саксонии предоставил решающее слово германскому императору. Версаль был возмущен российскими претензиями: его христианнейшее величество с третьего места в иерархии европейских властителей пытаются отодвинуть на четвертое! К тому же возвышение православной империи могло угрожать его праву на контроль над святыми местами в Иерусалиме. И все это повлекло бы за собой необходимость внести коррективы в церемониал, а к этим щекотливым материям кабинет министров был особо чувствителен⁴⁵. Так что и реакция Франции была лицемерной. Предлогом для того, чтобы отложить признание нового титула, послужил возраст короля (Людовику XV было тогда одиннадцать лет). Азиатские и восточные державы подбросили министрам вторую лукавую отговорку: дескать, помимо всего прочего, они уже облекли императорским титулом короля Франции⁴⁶. Чего доброго, и другие страны могут усвоить такой обычай. Итак, похоже, место уже занято!

Европейские властители предпочли сохранять существующие порядки; таким образом, имперский статус России оставался спорным вплоть до елизаветинской эпохи. Судьба имперских притязаний Петра продолжала зависеть от международной политики, здесь требовались дипломатические гарантии. Причину отказа видели в том, что Россия — страна «молодая», да к тому же хоть и христианская, но прилежащая не к Риму, а к Византии. Этот «генеалогический» казус наотмашь ударил по интересам маленькой Елизаветы, чье положение царевны также оказывалось под вопросом, из чего логически следовало, что выбор женихов для нее ограничен.

Петр не воспринимал этого так: пользуясь позицией силы, которую он занял после заключения в 1721 году Ништадтского мирного договора, он рассчитывал на успешное продвижение своих матримониальных прожектов. Кампредон вновь был призван своим кабинетом; опять зашла речь о Людовике XV, намечаемом в мужья второй дочери русской императорской четы. Снова вспомнили и о возможности ее брака с герцогом Шартрским или герцогом де Шароле, имея в виду намерение завладеть Польшей. Версаль, однако, отверг эту идею, ссылаясь на то, что Август II еще жив. Что до Людовика, препятствий к такому союзу находилось чем дальше, тем больше.

Кардинал Дюбуа, ведавший иностранными делами, не преминул оказать через своего посланца (Кампредона) некоторое давление. Мол, прежде чем заговаривать о браке, России надлежит пересмотреть как свои экономические отношения с Францией, так и свою политику на севере⁴⁷. Заключив в этот период (1720-е годы) союз с Англией, Франция пеклась об усилении влияния последней в странах Центральной и Северной Европы, то есть в Дании, Ганновере (курфюршестве Георга I) и недавно выступившей на мировую арену Пруссии. Царь же благодаря своим победам ставил палки в колеса британской торговле на Балтийском море и активно вмешивался в германские дела: он выдал своих племянниц за герцогов Мекленбургского и Курляндского и приготовился защищать право голштейнского герцога на Шлезвиг, в то время как Англия и Франция в этом споре поддерживали Данию. Людовик XV (то есть в данном случае регент) и кардинал Дюбуа не могли испортить добрые отношения с Лондоном в угоду этой обнаглевшей России, претендующей на не подобающий ей статус и территориальные преимущества. Пусть царь сначала поладит с Англией! Это было столь немыслимое предварительное условие, выдвинутое Дюбуа, что Сен-Симон без колебаний охарактеризовал его как «испоправимое разорение», ибо торговым

сношениям Франции и России этот поворот событий наносил долговременный ущерб⁴⁸. Проекту династического брака Версаль, таким образом, противопоставил соображения глобальной политики, основанные на интересах союзников, пусть не слишком надежных, но служащих ему в ту пору единственной опорой в противостоянии извечному врагу — Австрии Габсбургов.

Что до безумных мечтаний Петра Великого, позвоительно спросить себя: возможно ли, чтобы он всерьез замыслил породниться с католиком Бурбоном? Выбор столь блестящего жениха, вероятность, а точнее, неизбежность отказа — не пряталось ли за этим диковинным сватовством потаенное желание, чтобы дочь осталась с ним? Елизавета, без сомнения, была осведомлена обо всех этих переговорах, в которых ее мать принимала самое энергичное участие. В свои двенадцать лет она жила беспечно, как свойственно этому возрасту, и, разумеется, в мыслях не имела покинуть свою страну ради этой далекой Франции, о которой она не знала ничего, кроме отголосков модных веяний, долетавших до Санкт-Петербурга.

Для своей старшей дочери Анны царь выбирал партии поскромнее, но расчетливости при этом проявлял не меньше. В 1713 году семейство герцогов Готторпов обратилось к Петру с просьбой защитить его земли в Шлезвиг-Голштейне, куда вторглись датчане. Поначалу этот их демарш не вызвал никаких последствий. Но несколько лет спустя Карл Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский, племянник покойного Карла XII, решился воззвать к царю о помощи в надежде отстоять свои права на шведский престол или на худой конец хотя бы получить обратно часть своих владений; а он взамен женится на Анне Петровне. Царь пригласил герцога в Санкт-Петербург в январе 1721 года, когда Ништадтские мирные переговоры еще только-только начинались. Прибытие в Россию законного претендента на шведский трон давало Петру мощный козырь в переговорах со

шведами: это позволяло русским дипломатам прибегнуть к особенно сильному нажиму, чтобы добиться мира на выгодных условиях. Карл Фридрих быстро понял, что он не более чем марионетка в руках гостеприимных хозяев, но без их помощи у него не было ни малейшего шанса вернуть свои отторгнутые земли. Итак, он решил остаться в русской столице. Несмотря на прискорбное экономическое состояние его земель, само их расположение представляло стратегический интерес. Киль являл собой решающий этап торгового пути к западным ганзейским городам, позволяющий избежать провоза российских товаров через Эресунн и сопряженной с ним высокой пошлины. Петр ловко использовал ситуацию: группировка семейства фон Голштейн (в России именуемого Голштейнским) прибрала к рукам земли, бывшие в ведении стокгольмского риксдага, и права Карла Фридриха на корону вскорости были признаны. Наконец в феврале 1724 года царь заключил со шведами оборонительный союз; согласно одному из параграфов договора, предполагалась реституция Шлезвига его немецкому правопреемнику. Чтобы обеспечить гарантии мира, Петр сделал наилучшую уступку: официально пообещал герцогу Голштейн-Готторпскому руку своей дочери Анны. Брачный контракт был подписан 5 декабря 1724 года; он обуславливал для герцога покровительство России⁴⁹. Старшая из царевен Романовых в отдельном пункте договора отказывалась от наследства своих предков. Свадьбу наметили на будущее лето.

Петр скончался несколько недель спустя, но его вдова чтит начинания покойного, она даже в ущерб важнейшим дипломатическим интересам принимала страстное участие в деле Голштейн-Готторпов. Россия, отныне признанная сильнейшей из держав севера, вела с Францией и Великобританией оживленные переговоры, стремясь расширить недавний оборонительный договор, заключенный со Стокгольмом. Но две великие западные державы отказались лишить Данию ее части Шлезвига. Тогда позиция Петербурга ужес-

точилась. Остерман, российский министр иностранных дел, обратился к Австрии, ища в ней союзника в делах Голштейна; это был решающий шаг, на ближайшие десятилетия определивший направленность внешней политики России. Свадьба Анны и Карла Фридриха состоялась в контексте этой щекотливой ситуации, затрагивающей многие страны, причем дело оборачивалось так, что интересы второразрядного принца грозили нарушить равновесие сил, сложившееся в Европе. Наблюдатели обращали внимание на то, что повенчанные задержались в русской столице вместо того, чтобы отправиться в Северную Германию.

Восшествие на престол Екатерины I, воспринятое довольно кисло, ничего не уладило; впрочем, она и сама не слишком настаивала на том, чтобы за ней признали дарованный супругом титул императрицы. Мало-помалу скандальные обстоятельства были забыты. Но пора же было выдавать замуж Елизавету. Ее отца, который навязывал бы свои предпочтения и выискивал предлоги, чтобы оставить любимицу подле себя, более не было рядом. Естественно, что царица возвратилась к его первоначальному замыслу и обратила взор на Людовика XV. Она попыталась заручиться содействием Кампредона, зная его восхищение (искреннее или притворное) умом и эlegantностью Елизаветы. На сей раз Версаль не пытался тянуть время. Было заявлено, что неперенный переход очаровательной русской царевны в лоно католической церкви поставит в этом случае будущую королеву Франции перед трудной дилеммой, коль скоро она, будучи одновременно потенциальной наследницей своего прославленного отца, в конечном счете является опорой православной церкви⁵⁰. Плоская увертка! Согласно секретному донесению, реальной причиной отказа явилось варварское происхождение царской дочки; дому Романовых, не знающему прав первородства и салического закона, не хватало безукоризненной легитимности, достойной первого христианского двора Европы⁵¹.

Слабые надежды русских рассыпались в прах при известии о скором бракосочетании Людовика с Марией Лешинской — в глазах многих придворных это был мезальянс⁵². Подобную обиду нанесли не одной Елизавете — напротив, она оказалась в великолепной компании. Самую серьезную кандидатку, испанскую инфанту, в ожидании скорой свадьбы уже поселившуюся в Париже, под фальшивым предлогом отослали к родителям. Не меньше шума вызвал отказ от кандидатуры Елизаветы Лотарингской. Как мог Филипп Орлеанский предпочесть им польку, чей отец потерял не только трон, но и уважение знати своей страны? Что до юной русской царевны, о ней во Франции никто не сожалел, общественное мнение не успело заинтересоваться ею. А ей самой, девушке, которой только сравнялось шестнадцать, и подавно не было резона грустить. Царевну сверх меры занимало другое — как понравиться окружающим ее юнцам. Она быстро выбросила Людовика из головы. К тому же большой вопрос: вправду ли «Лизочка» хотела на долгие годы покинуть родину? Выскочка, захватившая власть, она так никогда и не выезжала за границу; зато в пределах своей огромной империи, пока здоровье позволяло, постоянно затевала продолжительные путешествия. Первые годы вольного полудеревенского воспитания наложили на русскую царевну слишком глубокий отпечаток — она не могла представить себе жизни в лоне цивилизации, не похожей на ее собственную. Она усвоила из нее лишь некоторые наиболее занимательные элементы: кое-что из области культуры и искусства жить с приятностью. Салический закон, переход в католичество, этикет и вопросы ранга оставались всего лишь утомительными формальностями в глазах этой девушки, чье воспитание, разумеется, недостаточное, было для того времени очень свободным.

Помимо религиозных расхождений и соображений иерархии, брак между королем Франции и наследницей Романо-

вых исключался из-за распрей между северными державами. Екатерина не разделяла настроений своего покойного супруга в том, что касалось выбора женихов для дочек или племянниц. Она не собиралась усложнять себе жизнь, обзаведясь слишком обременительными зятями. Тем не менее международное положение вынуждало ее подумывать о браке дочери с германским принцем. По наущению Анны и ее мужа Екатерина дала согласие на предложение голштейнского принца Карла Августа, который приходился кузеном Карлу Фридриху и недавно получил место епископа в Любеке. Однако при подобных обстоятельствах либо его избранница Елизавета (хотя допускалось, что таковой могла стать и Наталья, несмотря на юный возраст) должна была переменить конфессию, либо потенциальному жениху пришлось бы отказаться от своих почетных обязанностей.

Впрочем, вскоре появился другой претендент, чья персона заняла помыслы царского семейства, — Мориц Саксонский. Этот бравый вояка дал понять, что согласен взять Елизавету в жены, но только с Курляндским герцогством в придачу. Такая идея натолкнулась на сопротивление Карла Фридриха Голштейнского. Коль скоро ему столько времени было отказано в его доле Шлезвига, он рассчитывал получить Курляндию в качестве компенсации. В ходе этих деликатных переговоров всплыла и еще одна соперница — Анна Иоанновна, племянница Петра Великого⁵³. Она унаследовала Курляндию после кончины в 1711 году супруга герцога Курляндского Фридриха, но родной дядя последнего Фердинанд оттеснил ее от этих владений. Весной 1726 года он уже лежал при смерти (он умер в 1727 году), его герцогская корона прельщала многих, в том числе на нее зарились маркграф Альберт Бранденбургский и Александр Меншиков. Для курляндцев это означало неминуемое признание либо российского, либо прусского покровительства. Поначалу Мориц Саксонский был в преимущественном положении

благодаря осторожной поддержке своего отца Августа II. Посланцы курляндской знати приветствовали его кандидатуру. Анна Иоанновна, бездетная вдова, влюбилась в Морица с первой же встречи и уповала, что «разделит судьбу» этого молодцеватого воина⁵⁴.

В Петербурге интересы графа Саксонского отстаивал саксонский посланник Лефорт: он не понимал, чего ради жениться на уродливой Анне, которой перевалило за тридцать, если «белокурая дочь Петра Великого, имеющая шанс получить власть» еще не замужем? Он начал переговоры, даже не уведомив главное заинтересованное лицо. Елизавета наблюдала за всеми этими интригами, ни во что не вмешиваясь: по-видимому, многочисленные брачные проекты вокруг ее персоны царевну мало занимали. Очаровательный Мориц в своих курляндских видах предпочел более реальный путь, чем женитьба на дочке Петра Великого, возможной наследнице российского престола, — этот ход выглядел слишком авантюрным. Наперекор запрещению своего родителя, саксонского курфюрста и польского короля, а также угрозам польских магнатов, жаждущих прибрать Курляндию к рукам, Мориц отправился в Митаву и в июне 1726 года был торжественно избран герцогом Курляндским и Семигальским. Реакция России, стянувшей свои войска к границам герцогства, не заставила себя ждать. Пятнадцать дней спустя Меншиков вступил в Митаву. Результатом встречи двух мужчин стал десятидневный ультиматум. Однако внезапный поворот событий возродил надежды графа Саксонского: Екатерина приказала своему посланцу ретироваться из курляндских земель. Нет сомнения, что здесь на нее повлиял Остерман, озабоченный сохранением равновесия в отношениях северных держав. Петербург пытался отстоять права Анны Иоанновны как наилучшего гаранта благоприятной для России политики, но с условием, что она не выйдет за красавца Морица. Все эти

построения были сметены посланием Августа II: он, на сей раз выступив против интересов своего сына, постановил присоединить Курляндию к Республике Короны Польской (Речи Посполитой). Тогда Россия сочла необходимым вторгнуться с восьмьютысячным войском, дабы восстановить порядок и изгнать свободно избранного герцога. Разразившаяся в августе 1727 года война за курляндское наследство положила конец авантюрным притязаниям маршала Саксонского. Его мечта рухнула по вине собственного отца, который вел тонкую двойную игру: как курфюрст Саксонский он поддерживал своего незаконного сына в его курляндском предприятии, что предполагало суверенитет этого края, а как польский монарх — претендовал на контроль над этим герцогством. Но такая позиция в любом случае противоречила интересам России и исключала союз графа Саксонского с имперской цесаревной, будь то Анна Иоанновна, Елизавета или Наталья. На сей раз в противоположность предыдущей ситуации главным препятствием для возможного сватовства было сомнительное происхождение жениха: Мориц, отпрыск внебрачного союза, не годился в мужья царевне. Екатерина, раздраженная всеми этими фокусами, приняла решение в пользу герцога Голштейнского, не такого беспокойного и способного усилить позиции России в региональных конфликтах.

26 октября 1726 года Карл Август прибыл в Кронштадт и несколько дней спустя был представлен ко двору. Молодой герцог пришелся Елизавете по душе, и вскоре они стали неразлучны. Он получил орден Святого Андрея Первозванного, помолвка уже казалась делом решенным, но свадьба откладывалась из-за обострения международных дрызг и курляндского кризиса. Карл Август только что унаследовал место епископа в Любеке — эта миссия требовала его присутствия в Голштейне. Согласится ли Елизавета на пе-

ремену конфессии с риском утратить наследственные права на трон Романовых? И ведь ей, не в пример сестре, придется, выйдя замуж, последовать за супругом на чужбину. А какая удача для недоброжелателей — видеть, как дочери Петра одна за другой лишаются возможности занять родительский трон! К концу декабря этот брак уже казался несколько под вопросом: Карлу Августу пора было возвращаться на родину, свадьба, по-видимому, откладывалась⁵⁵. Продолжительная болезнь Екатерины и ее смерть еще более отдалили окончательное решение. А между тем брак Елизаветы с голштейнским принцем становился единственным средством укрепить положение потомков Петра. При условии, что и вторая сестра с мужем останется в Петербурге! Вчетвером, при поддержке мощной группы заговорщиков, эти две пары еще смогли бы противостоять Меншикову и его клану, которые уже норовили отнять у них власть. Но судьба ополчилась на Елизавету: 1 июня 1727 года Карл Август скончался от оспы, оставив ее безутешной. Она понимала, что Меншиков постарается устранить ее от родительского наследия. И предпочла на два месяца затвориться в Царском Селе, в построенном ее матерью небольшом дворце, не желая ничего слушать о претендентах и женихах. Царствование Екатерины, занявшей место Петра, было лишь эпизодом, назначение коего — отсрочить решение проблемы, ставшей теперь предметом светских пересудов и оживленной дипломатической переписки. Отсутствие завещательного распоряжения, имеющего маломальский вес, давало простор грызне между группировками и дворцовым интригам, всему тому, что прежде держала в узде железная рука Петра. Его дочери стали первыми жертвами этой возни, ведь в основе династической неразберихи лежала семейная драма: преждевременная подозрительная смерть в 1718 году единственного законного наследника трона.

МУЧЕНИЯ НАСЛЕДНИЦЫ, ЧЬИ ПРАВА ПОД СОМНЕНИЕМ

У российской императорской четы было десять детей, но лишь две дочери, Анна и Елизавета, дожили до совершеннолетия⁵⁶. В пору их появления на свет никому и в голову не приходило, что эти девочки могут унаследовать трон. Наследником был назначен сын от первого брака Петра, как утверждали недоброжелатели Екатерины — единственное законное дитя государя. Он скончался в 1718 году при неясных обстоятельствах, оставив двоих детей — Петра и Наталью.

Жизнь Алексея, которого принято считать испорченным отпрыском великого монарха, заслуживает краткого отступления, ведь его сестры — одна родная и две единокровные — больше десяти лет терпели тягостные последствия этой истории. Царевичу посчастливилось получить воспитание западного образца. Программа обучения, принятая за основу его наставником бароном Гюйссеном, по всей видимости, была достойна молодого принца той эпохи: она включала продуманный список требующих прочтения книг — от Библии до сочинений Пуфендорфа, Гроция или Фенелона, курс русского, немецкого и французского языков, изучение географии, геометрии, арифметики и всемирной истории; ко всему этому добавлялись также чтение газет, занятия военным делом и верховой ездой, а также приобщение к такой премудрости, как танцы. Подобное образование, более полноценное, нежели то, что позже получили царские дочери, доказывает, что Петр намеревался сделать Алексея своим наследником. Однако Гюйссен недолго оставался подле молодого человека — вскоре на его место заступил Меншиков, сменивший увещевания эрудита на тумак и оплеухи. По правде говоря, царственный юноша никогда не проявлял особой усидчивости в трудах, он был ленив по натуре и с самых нежных лет предпочитал потягивать веселящие напитки и бегать за юбками⁵⁷.

Когда на свет появились Анна и Елизавета, Петр уже успел отчаяться, осознав неспособность своего отпрыска и к трудам войны. Чуть заходила речь о том, чтобы присоединиться к государю на шведском фронте, Алексей объявлял, что болен; он не остановился даже перед тем, чтобы покалечить себя, — однажды нарочно поранил руку. Униженный, третируемый, молодой человек искал утешения в лоне церкви; он даже наперекор запрету навестил свою мать, после расторжения брака жившую в Покровском монастыре в Суздале, между тем как Екатерина уже всем заправляла при дворе. Царь решил отослать этого недостойного сына в маленькое германское герцогство, откуда он в 1712 году вернулся женатым на принцессе Брауншвейг-Вольфенбюттельской, но повадок не изменил.

28 октября 1715 года Екатерина разрешилась сыном, Петром Петровичем; родители возлагали на него все надежды и вскоре задумали сделать его наследником престола взамен Алексея. Последний, четыре года спустя также обзаведясь сынком, получил первое серьезное предупреждение: мол, власть в России держится на военной силе, так что наследнику короны надобно знать и любить ратное дело. Монарх таким образом напоминал старшему сыну о его предназначении, давая ему последний шанс исправиться и усвоить образ жизни, соответствующий ожиданиям нации. Но Алексей не замедлил ответить, что не имеет более никаких притязаний на трон, коль скоро по милости Господней у него родился брат. Тогда Петр решил окончательно отстранить Алексея от наследственных прав, однако только уход в монастырь мог помешать молодому человеку после смерти родителя передумать и потребовать их обратно. В августе 1716 года царь выдвинул сыну новый ультиматум, потребовав, чтобы тот либо присоединился к нему в Копенгагене и принял участие в боях со шведами, либо сообщил в точности, когда именно и в какой монастырь он намерен удалиться. Алексей выбрал первое, но втайне задумал бежать и попро-

силье покровительства у австрийского императора. Прибыв в Вену, он распространил там слух, будто Меншиков и Екатерина пытались убить его, чтобы назначить наследником престола его единокровного брата; зато против самого царя он не произнес ни слова. Карл VI, опасаясь новой порчи отношений с Россией, не соблаговолил открыто принять столь обременительного визитера. Тогда Алексею пришлось пуститься в долгое путешествие из Тироля в Неаполь, где его вскорости выследили петровские эмиссары.

Царь понял, что ему неминуемо придется открыто признать бегство Алексея — величайшее унижение для него как для отца и создателя новой, передовой России. Он понятия не имел, как выпутаться из этого положения. Официально посулил сыну безнаказанность при условии, что тот незамедлительно возвратится домой. А Карлу в выражениях, завуалированных весьма слабо, пригрозил, что оккупирует Силезию, если ему не выдадут Алексея под надежным конвоем. Австрийский совет министров уж и не знал, к какому святому взывать: то ли взять наследника Романовых под свое покровительство, рискуя, что свирепые русские полчища хлынут на Запад, то ли выдать молодого человека его отцу, известному своей кровожадностью, и ждать за это столь же тяжелой расплаты, если царевич когда-нибудь придет к власти. Разумнее было все-таки избежать войны, побудив недостойного сына вернуться на родину и попытаться снискать отцовское прощение. Алексей уступил: наверняка почувствовал, что поддержка Карла VI ему отнюдь не гарантирована⁵⁸. 31 января 1718 года он прибыл в Москву, а четыре дня спустя его уже ждали в большой кремлевской зале аудиенций в присутствии всех сановников двора. Униженный, без шпаги, он должен был предстать перед мечущим молнии монархом. Царевич пал ниц, обещал по всей форме отречься от трона, признать единокровного брата законным наследником и выдать всех пособников своего побега. Границу закрыли, чтобы помешать им бежать, и на почтовых

станциях разрешили свободный проезд только царским курьерам. Начались аресты, чем дальше, тем больше. Даже Евдокия, первая жена Петра I, была подвергнута допросу, а вот ее любовника, подозреваемого в злоумышлении против власти, казнили, предав сначала чудовищным пыткам⁵⁹.

Екатерина наблюдала за этой драмой со смешанными чувствами, она была сторонницей большей умеренности. Судя по всему, она приняла Алексея, который умолял ее вмешаться, заступиться за него, чтобы ему позволили, удалившись от двора, поселиться со своей любовницей в сельском поместье. Она, видимо, попыталась утихомирить ярость супруга и спасти молодого человека. Эта женщина, наделенная интуицией, предчувствовала, что смерть царевича будет иметь роковые последствия для ее семьи и детей⁶⁰. Но и сама царица не избежала гнева разбушевавшегося Петра: он ни с того ни с сего обвинил ее в преступлениях против государства. Разве нет отчасти и ее вины в том, что он отринул и изгнал наследника престола, что весь свет теперь злословит о нем, что он едва не ввязался в войну с Австрией? Это была первая трещина в их отношениях, она повлекла за собой другие, брак уже не выглядел столь прочным, что несло опасность для дочерей, угрожая если не жизни царевен, то их положению при дворе.

В результате признаний, силой вырванных у его пособников, Алексея заточили в Петропавловскую крепость, где его несколько раз принимались пытать. Истерзанный, полуживой, он в конце концов признался в измене, в том, что переметнулся на сторону австрийского императора, снедаемый безмерной жаждой власти и стремлением покончить с отцовскими реформами. Тотчас ему вынесли смертный приговор, но 15 июня 1718 года молодой человек скончался при неясных обстоятельствах, два дня спустя после того, как был бит палками⁶¹.

В правительственных кругах великих держав континента эта история вызвала ужас и негодование: справедливо или

нет, но все полагали, что у Петра руки в крови и его наследникам еще предстоит поплатиться за это. Все венценосные головы склонялись к мысли, что единственный законный наследник российского престола — Петр, сын Алексея. Этому осиротевшему малютке в то время было всего три года. На любого другого претендента, казалось, неизбежно ляжет часть вины царя, тень его варварства. Его наследницы представлялись запятнанными чем-то вроде первородного греха, что наверняка затруднит их признание за границами России. Столь широкий резонанс драмы, несомненно, объясняет также, почему брачные узы с каким-либо из царствующих семейств первого ряда отныне обернулись для русских царевен недостижимой грезой.

В Санкт-Петербурге случившееся, несмотря на весь шум, поднявшийся вокруг «дела Алексея», поначалу восприняли как успех плебейской группировки приверженцев Екатерины. Однако судьба вскоре нанесла молодой женщине жестокий удар: года не прошло, как заразная болезнь отняла у нее маленького царевича. Другой ее малыш, Павел, рожденный в 1717 году, прожил всего несколько дней. Единственным престолонаследником мужеска пола остался Петр Алексеевич, сын несчастного. О двух дочерях Екатерины как о возможных претендентках на трон Романовых никто тогда и не думал.

Таким образом, русский двор, лишенный четко выверенной династической преемственности, поневоле впал в коловращение мелких группировок, основанных на дальнем родстве или сговоре, аристократия раскололась на два лагеря: с одной стороны родовитая старинная знать, объявляющая себя потомками Рюрика или Гедимины, с другой — выскочки, что возвысились благодаря петровским реформам⁶². Эти кланы в свой черед подразделялись на множество ответвлений, то объединяясь, то воюя друг с другом в зависимости от политической конъюнктуры и частных интересов. В 1722 году Петр издал указ, где объявлял, что царствующ-

щий государь волен выбирать себе преемника, не считаясь с правом старшинства. Такое решение открывало перед его женой и дочерьми перспективы, о каких они и не мечтали, но вносило дополнительную нестабильность в олигархические круги, и без того пребывающие в состоянии становления⁶³. Этот указ привел к тому, что менее чем за столетие в России было совершено пять попыток государственного переворота и три цареубийства — Ивана VI, Петра III и Павла I. Да и сама Елизавета жила в постоянном страхе, что ее низложат, заточат в монастырь, прикончат.

Первые симптомы тяжелого недуга Петр ощутил летом 1724 года, когда возникли затруднения с мочеиспусканием, причинявшие ему острую боль, однако царь и не думал беречься⁶⁴. После Нового года он смело принял участие в традиционных святочных шествиях, сопровождаемых оргиями. А между 17 и 28 января слег, сраженный жестоким приступом. Он принял подобающие церковные таинства и, согласно старинному обычаю, дал распоряжения об амнистии, отраженные в трех указах. Он пытался объявить свою последнюю волю, но уже не смог ничего выговорить. И рука ему больше не повиновалась. Таким образом, Петр не успел назначить себе преемника. Некоторые свидетельствовали, что он будто бы подозвал свою старшую дочь и сумел произнести «Отдайте все...», но агония помешала ему назвать имя⁶⁵. Другие утверждали, что за несколько недель до кончины царь, разъяренный изменой жены, порвал документ, согласно которому корона переходила к ней. Ведь она часто давала ему советы, сопровождала его в военных походах и пользовалась симпатией его любимого детища — созданной им новоявленной меритократии. Недаром Петр, несмотря на предположения о ее связи с Виллимом Монсом, не поддавался искушению развестись с ней: тогда возникла бы угроза, что консервативным силам будет легче захватить власть и погубить дело всей жизни царя-реформатора, ведь ими предводительствовала, пусть в качестве символической фигуры, его пер-

вая супруга Евдокия, бабушка потенциального наследника престола. К тому же он боялся, как бы его дочерей не постигло изгнание. Во время агонии такой статус-кво парализовал двор России и его политику.

Петр Великий скончался 28 января 1725 года, так и не сумев назначить себе преемника, что крайне встревожило европейские столицы⁶⁶. По праву первородства корона должна была бы достаться его внуку Петру Алексеевичу, а в случае кончины последнего его сестре Наталье Алексеевне. Три выжившие дочери Екатерины в расчет не принимались, но оставались еще потомки Ивана V, единокровного брата Петра⁶⁷: Екатерина Иоанновна, которая вышла замуж за герцога Мекленбургского и родила от него дочь Елизавету Екатерину Христину, и Анна Иоанновна, вдова герцога Курляндского, бездетная, поскольку овдовела вскоре после свадьбы. Непосредственные наследники великого государя, за исключением единственного — Петра, рожденного в 1715 году, были женского пола. Царицы и регентши, гордо мнившие себя продолжательницами Петра Великого⁶⁸, они поочередно будут влиять на судьбы России, плетя интриги и создавая группировки, грызущиеся друг с другом, пока на исходе XVIII века право первородства не будет наконец восстановлено⁶⁹.

После смерти Петра весь дипломатический корпус был уверен, что трон своего деда займет Петр Алексеевич: не может аристократия страны выбрать безродную выскочку вместо сына дамы из рода Брауншвейг-Вольфенбюттель! Но послы и эмиссары не приняли в расчет характер Екатерины, поддерживаемой Меншиковым, будущая судьба которого зависела от разрешения этой дилеммы: пробиться к вершинам власти или быть с позором изгнанным, если восторжествуют традиционалисты. Царица, даром что малость неотесанная, имела вкус к построению мизансцены. Едва узнав, что Петр при смерти, правительствующие сановники заперлись за семью замками, чтобы обсудить, что делать дальше.

Екатерина, обливаясь слезами, устремилась в Сенат ходатайствовать за саму себя. Меншиков ее поддержал: торжественная коронация императрицы произошла всего несколько месяцев назад, разве после этого можно сомневаться в том, какова была последняя воля императора? Оспаривать точку зрения этого карьериста, вознесенного в ранг князя, рискнули только Долгорукий и Голицын. Но Меншиков успел настроить и до последней крайности распалить гвардейцев Преображенского и Семеновского полков, он напомнил им, какую славную роль он играл в военных кампаниях великого государя. Эти полки, созданные Петром, в которых продвижение по службе определялось воинскими заслугами или управленческими талантами, стали живым воплощением нового режима. У гвардейцев был прямой интерес отстранить от власти Петра Алексеевича, оружие консервативной московской клики. Их превосходно вооруженные полки окружили Зимний дворец и заняли его дворы. Учитывая, что царь не оставил завещания, надо было действовать без колебаний. Как только пришло известие о кончине царя, гвардейцы ворвались в залу, где заседали министры и придворные, затем они шумно принесли присягу вдове. В манифесте от 28 января 1725 года, опубликованном Сенатом под давлением Меншикова и Апраксина, Екатерина объявлялась императрицей Всероссийской. Спустя несколько часов после смерти Петра Великого новая правительница смогла уже не без театральности продемонстрировать свой новый законный статус, показавшись в окне дворца⁷⁰.

Все четыре недели, предшествовавшие погребению, Екатерина провела в безотлучном бдении над останками государя, выставленными на обозрение публики, и проливала над ними горячие слезы. Французу Вильбуа, что при сем присутствовал, казалось, будто он попал на представление «Андромахи», и он не на шутку дивился, как в женской го-

лове может уместиться столько влаги⁷¹. Наконец 10 марта тело Петра, сопровождаемое длинной процессией, было доставлено в собор Петропавловской крепости; Екатерина, несмотря на снегопад, пешком шла за гробом, Меншиков и адмирал Апраксин шагали справа и слева от императрицы, Анна непосредственно за ней в компании государственного канцлера Головкина и фельдмаршала Репнина, а Елизавета с застывшим лицом еле тащилась следом, поддерживаемая графом Петром Толстым. За ними шествовали герцогиня Курляндская, будущая Анна Иоанновна, ее сестра Екатерина, Карл Фридрих Голштейнский, супруг старшей дочери покойного царя, и, наконец, Петр Алексеевич, внук усопшего. Уж не отразился ли в этой скорбной череде предполагаемый отныне порядок наследования? Иностранные дипломаты с неудовольствием отметили, что единственного законного престолонаследника задвинули за спину зятя императрицы. В своем надгробном слове Феофан Прокопович, советник покойного монарха по богословским и политическим вопросам, вдохновенно говорил о глубоком горе, объявшем близких царя и всех тех, кто обязан ему своей карьерой. Однако на окраинах столицы появились народные, так называемые лубочные картинки, изображавшие привязанного к саням черного кота, влекомого на погост мышами, бьющими в барабан и играющими на волынке⁷². Великий покойник был фигурой далеко не бесспорной, и соперничество между старой и новой аристократией, между консерваторами и реформаторами, как нельзя нагляднее всплыло на поверхность.

Так ливонская простолюдинка Марта Скавронская, в православии Екатерина Алексеевна, взошла на трон Романовых, став первой российской императрицей — не просто супругой императора, а персоной, ответственной за дела государства. Ее личные качества вызывали большие сомнения. Некоторые находили ее умной, другие на чем свет стоит ко-

стерили за распутство и мотовство⁷³. Она сумела снискать преданность гвардейцев Преображенского и Семеновского полков, этой опоры женских царствований XVIII века. Однако ей следовало еще поладить со старинной родовитой знатью, которая видела в ней всего лишь промежуточную фигуру — чтобы было кому посидеть на троне, пока подрастает внук Петра I. Царь сплотил вокруг себя фаворитов и придворных, но достигал этого путем угроз и принуждения. Его супруга, по части интуиции превосходившая великого государя, старалась восстановить хоть какую-то гармонию, приютив у себя Петра и Наталью, двух детей покойного царевича, с целью дать им подобающее образование. Она присвоила себе еще одну дополнительную форму законности — роль приемной матери — и мнила, что подобным образом обеспечивает незыблемость власти. Но ее добрая воля не была вознаграждена. Вскоре ее вынудили сделать исключительно важную уступку: пообещать, что в случае ее смерти корона отойдет Петру Алексеевичу. Таким образом императрица лишалась возможности назначить себе преемника по свободному выбору; впрочем, она рассчитывала взять это обещание обратно⁷⁴.

Здравого смысла Екатерине было не занимать, она умела отбирать нужное в массе советов, дававшихся придворными с тем или иным корыстным умыслом. Стремясь установить равновесие между рвущими на части противоборствующими силами, она учредила высшую государственную инстанцию — Верховный тайный совет, члены которого были набраны из всех лагерей: Александр Меншиков, Петр Толстой, Федор Апраксин, Андрей Остерман и Гавриил Головкин, к которым вскоре должен был прибавиться зять императрицы Карл Фридрих фон Голштейн-Готторпский. Они получали право контролировать Сенат и Святейший Синод. Тогда Голицын разработал «конституцию», призванную охранять одновременно интересы знати и автократии. Меншиков контролировал правительство, впро-

чем, с переменным успехом: за два года царствования Екатерины страна почувствовала, что силы, работавшие на эволюцию, мало-помалу слабнут. Сама же императрица считала себя в первую очередь продолжательницей петровских реформ и действительно способствовала реализации некоторых проектов своего супруга. Ее главной заслугой стало торжественное открытие в 1725 году Академии наук, куда вскоре стали стекаться исследователи и преподаватели из-за рубежа. Возникали новые шахты и мануфактуры, развивались экспорт и торговля внутри страны. Но сильный демографический взрыв утяжелил положение крестьян, изнемогавших под гнетом подушной подати. Правители и крупные чиновники на местах не ведали меры в коррупции и алчности. Двор расточал целые состояния на празднества или, точнее, на попойки, в которых участвовали первые лица страны⁷⁵.

Внешняя политика России под водительством Остермана настойчиво и успешно следовала по пути, намеченному Петром: поддержание мира со Швецией, сближение с Австрией вследствие подписания Венского трактата: Россия давала обязательство, что ее 30-тысячное войско будет готово при необходимости выступить в любой момент; взамен Австрия обещала ей поддержку против османской Порты⁷⁶. В том же 1726 году министр ратифицировал альянс с Пруссией. Русский дипломат наладил также отношения с Китаем — страной, с которой великий государь порвал в 1722 году: договор о вечном мире позволил России и Китаю заключить ряд важных коммерческих контрактов. Молодое Российское государство продолжало пробивать себе дорогу среди великих держав континента. Его географическое положение, занимающее большую часть евразийского континента, представлялось исключительно выигрышным стратегически, но тем более уязвимым в случае внутренних потрясений⁷⁷.

Елизавета в течение этих двух лет царствования материально помогала ей, будучи хорошо осведомленной о те-

кущих делах, хотя ее образование оставляло желать лучшего. Она читала Екатерине официальную корреспонденцию, обсуждала ее содержание с императрицей и министрами. Часто она от имени матери сама подписывала указы. Таким образом, она еще юной девушкой делала первые шаги в политике, став при дворе весьма влиятельной. Нередко ей случалось играть роль посредницы между двором и провинциальными правителями вроде Артемия Волынского, астраханского губернатора, желавшего получить субсидии на реставрацию и развитие своего города⁷⁸.

Мнения об очаровательной цесаревне между тем разделились даже среди самых горячих сторонников ее отца. Наиболее неисправимые оптимисты питали к этой девушке высокое почтение и громогласно расхваливали ее. Скептики сетовали на ее беспечность, и будущее представлялось им в черном свете, если Анна в скором времени не родит наследника мужеска пола. Среди них было немало тех, кто участвовал в зловещем процессе против старшего сына царя; они боялись, что, если Екатерины не станет, гнев Петра Алексеевича обрушится на них. А состояние здоровья императрицы лишь усугубляло эти опасения; прояснить вопрос о передаче власти казалось задачей все более неотложной. Генерал-полицмейстер Петербурга Антон Мануилович Девьер и Петр Толстой затеяли заговор с целью сделать Елизавету регентшей, а юного царя отправить на учение за границу, как некогда поступал его дед с молодыми дворянами. Однако Меншиков сумел раскрыть этот план и заставил сторонников царевны надолго выбросить из головы свои амбициозные надежды. Он предложил Екатерине просватать великому князю Петру Алексеевичу, в то время одиннадцатилетнему, свою собственную дочь Марию. Царица согласилась, впрочем, из чистой корысти: таким образом она убирала с дороги соперницу. Стареющая императрица, похоже, питала особую нежность к Яну Сапеге, в которого юная Меншикова была по уши влюбле-

на... Анна и Елизавета умоляли свою матушку отменить это решение, и Толстой растолковывал ей, какие опасности влечет за собой подобный союз. Никто не знал, как найти выход из этого тупика. Неужели дочь Петра Великого окажется окончательно отстраненной от престолонаследия теперь, когда ее мать хворает все тяжелее? Толстой с друзьями умоляли Екатерину объявить ее дочь Елизавету Петровну своей наследницей⁷⁹. В феврале 1727 года императрица дала понять, что готова к отмене прежнего решения в пользу Петрова внука и признать свою младшую дочь единственно законной наследницей трона Романовых. Однако Меншиков контролировал ситуацию. Государыня была слишком ослаблена недугом, чтобы произвести решительные изменения в правительстве и лишить своей милости министра, который за спиной своей покровительницы уже вел себя как сущий диктатор, противиться которому имел смелость только Остерман. Она более не возвращалась к желанию, высказанному лишь самым верным сторонникам обновления России, к которым теперь присоединился и кое-кто из родовитой знати, уязвленной поведением Меншикова.

Весь апрель императрицу трепала лихорадка, и 6 мая она скончалась, по-видимому, от чахотки; ей было всего сорок три года. Тотчас спешно собрался Верховный тайный совет, присоединились представители Сената, Синода, коллегий и армии. Существовало завещание, где было ясно сказано, что наследовать покойной должен Петр, а вслед за ним — его грядущие потомки; в случае же преждевременной смерти великого князя при отсутствии у него потомства — Анна и ее дети, затем — Елизавета со своим потомством и, наконец, в самую последнюю очередь, Наталья Алексеевна, внучка великого государя. Императрица присовокупила важную оговорку: те, кому предназначена российская корона, не получают ее в случае, если уже носят какие-либо другие; кроме того, им необходимо оставаться в лоне православного укла-

да⁸⁰. Регентский совет будет править до той поры, пока Петру не исполнится шестнадцать лет; в него входили Анна с мужем, Елизавета, Меншиков, генерал-адмирал Федор Апраксин, государственный канцлер Гаврила Головкин, Дмитрий Голицын, Василий Долгорукий и вице-канцлер Андрей Остерман⁸¹. Екатерина распорядилась, чтобы каждая из ее дочерей получила 300 000 рублей и пенсион в 150 000; им же отходят ее драгоценности, серебряная посуда и мебель. Для Елизаветы выделялось также приданое в 300 000 рублей. И наконец, императрица давала согласие на брак Петра Алексеевича и Марии Меншиковой.

Это завещание вскорости было оспорено; Меншикова обвинили в том, что он оказывал давление на умирающую или по своему произволу перетолковал ее последнюю волю. Персона юного Петра ни у кого не вызывала возражений, но пока сановники хотели, чтобы регентство взяла на себя Анна. Но Меншиков, который никогда не лез за словом в карман, оправился быстро: царевна, напомнил он, только что сочеталась браком с принцем-протестантом, тем самым утратив де-факто и де-юре все права на корону Романовых. О возможности доверить регентство Елизавете даже не заходила речь. Последняя держалась скромно, во все эти интриги не вмешивалась, может быть, из-за подавленного состояния духа, но не исключено, что просто за неимением достаточно могущественных сторонников. Завещание царицы независимо от того, было оно продиктовано Меншиковым или нет, было на руку самым ярым честолюбцам, так как убирало Елизавету с их пути: оказавшись в роковом списке на столь незавидном месте, молодая девушка теперь не имела ни малейшего шанса наследовать своей матери⁸². Однако ее жизнерадостность и природная веселость нрава помогли царевне быстро забыть обиду; к тому же приятельские отношения с законным престолонаследником позволяли предполагать, что она сумеет занять привилегированное место при дворе.